

Об одном культурологическом предрассудке

Одним из общих мест в современных культурологических исследованиях является деление культур на традиционные и новационные (или статичные и динамичные, и т.п.). Традиционным культурам при этом приписывается не только парадигмальная установка на сохранение традиции, но и сам факт ее действительного сохранения, неизменности культурных форм на протяжении неопределенно продолжительных периодов исторического времени, а культурам новационным или динамичным – прямо противоположные качества, т.е. интенцию к инновации и действительную динамику изменения/развития культуры. В конкретных исследованиях эта концептуальная схема или артикулируется изначально, или неявно определяет собой условия и границы дискурса; это именно пред-рассудок – положение, принимаемое за аксиому и тем самым задающее способ осмысления исследователем исследуемого им фактического материала. В результате эта гносеологическая парадигма вызывает неустранимое методологическое противоречие, которое не замечается или игнорируется исследователем именно в силу своего необсуждаемого, парадигмального характера: в массе работ по ранним или фольклорным культурам автор сначала постулирует их традиционность и неизменность, а затем приводит конкретный фактический материал, который может послужить как раз лучшей иллюстрацией бесконечной изменчивости и вариативности этих культур в пространстве и времени.

Ошибка здесь заключается в том, что установка на сохранение традиции, стремление сделать неизменными возможное большее количество артефактов, в высшей степени свойственное ранним и «нижним» культурам, отождествляется с действительным наличием в таких культурах неизменяемых артефактов и стабильных традиций, а инновационная ориентированность поздних и «верхних» культур отождествляется с действительной их повышенной изменемостью, динамикой постоянного развития. Однако реалии бывают интенцированы к противоположному, а не к однородному; любое стремление есть знак не избытка, а недостатка. Архаические или фольклорные культуры ориентированы на неизменную традицию не потому, что ее у них в избытке, а потому, что она там в жесточайшем дефиците: здесь практически нет или ничтожно мало средств для фиксации реальности, таких, как литературный (т.е. неизменяемый) язык, письменность, писаное право и т.п.; здесь все живет, движется и изменяется, это мир сплошной кинетики и моторики, здесь просто нечем «остановить мгновение». И именно поэтому такие культуры выглядят стабильными и неизменными – «традиционными»: здесь столько изменения, что почти нечему изменяться и все выглядит неизменным. Любой артефакт здесь бы-

тийствует, а не существует, проживается, а не промышляется, так как не фиксируется формально; изменений здесь не замечают потому, что все беспрестанно изменяется, и нет ничего неизменного, с чем можно было бы сравнить изменение, определив его через отличие от первого. Здесь невозможно построить дом, выкроить рубаху, исполнить танец или рассказать былинку, которые бы не отличались от предшествующих, ибо нет фиксированного эталона; архаическая или фольклорная культура выглядит однородной, ибо представляет собой агломерат предельно хронологически и локально различных вариантов – будь то производство, право, быт, искусство и т.д., при этом последние различны настолько, что практически не отличаются друг от друга – различие мыслимо в пределе тождества, но такая культура не знает о-пределенности. Здесь все разное – и потому все одно и то же; сплошные варианты в отсутствие инварианта обращаются в свою противоположность. Нестандартное возможно лишь при наличии стандарта; если нет последнего, то нет и первого – вместо нестандартных стандартов мы получаем стандартные нестандартности. «Традиционная» культура не знает универсалий, потому в ней нет и уникалов; здесь нет двух одинаковых вещей, и потому каждая вещь тождественна всем. Здесь нет ни превышения нормы, ни отставания от нее – потому что нет самой нормы; одна прялка, сказка или пляска не может быть ни лучше, ни хуже другой, ибо нет образцовой. И именно поэтому такие культуры ориентированы на традицию и подозрительно относятся к новации: сохранить артефакт, осуществить его трансляцию через пространство и время в неизменном виде – вот что рассматривается традиционной культурой как должное; но рассматривается так не потому, что так оно и есть на самом деле, а потому, что на деле все выглядит прямо противоположным образом, так что традиция наличествует не в виде реального факта, а в виде идеальной цели.

Напротив, динамизм и стремление к инновациям, свойственные поздним и «верхним» культурам означают не то, что эти культуры бедны традицией, а то, что удельный вес традиции здесь настолько велик, что каждое изменение фокусирует на себе самое пристальное социальное внимание. Неизменность культурных форм становится повседневностью, и такие культуры уже одной ногой стоят в вечности; культура становится настолько стабильной, что этого уже почти невозможно заметить, здесь столько неизменных в пространстве и времени артефактов, что сравнение их создает иллюзию непрерывного изменения. Статика здесь господствует над динамикой, и именно поэтому историко-культурное развитие приобретает невиданные темпы: движение и покой соотносительны, и отношение это представляет собой не обратную, как часто думают, а прямую пропорциональность. Чтобы одно двинулось, иное должно находиться в состоянии покоя, и потому скорость движения тем выше, чем больше точек покоя, по отношению к которым оно и определяется как таковое. Историческое вре-

мя тем динамичней, чем больше в нем остановок, а культурное пространство тем статичней, чем больше в нем движения: чем больше культурных точек дискретности, разрывающих континуальность временного потока истории, и чем меньше промежуточные отрезки этой континуальности, тем быстрее измеряемое этим историческим временем движение; в пределе бесконечная скорость тождественна вечному покою (с точки зрения классического идеализма, таково существование идей, которые суть ни что иное, как вещи, движущиеся с бесконечной скоростью, и поэтому одновременно находятся везде и нигде). Поэтому чем больше удельный вес неизменных культурных форм в каждом данном социокультурном континууме, тем выше скорость исторического развития этого последнего: скажем, XIX век в истории европейской культуры по динамике развития настолько превосходит IX, насколько больше в первом и меньше во втором статике культурных форм – той же письменной документации и пр. В детстве время тянется невероятно долго, зато в старости летит с ужасающей быстротой: так и детство любого общества не слишком отягощено закрепленной в формах культуры исторической памятью, зато его старость более чем отягощена грузом традиций, перетягивающих его из меняющегося времени истории в неизменную вечность культуры; скорость развития возрастает в этом случае настолько, что приближается к бесконечной – то есть, к абсолютному покою, в котором время останавливается и ничего больше уже не происходит, а есть сразу все, и только это «есть» и есть.

Эта диалектика объясняет, почему каждое изменение в культуре, как магнит, притягивает к себе внимание такого позднего (в абсолютном или относительном смысле), т.е. высокоразвитого общества. Человек живет здесь в музее неизменных культурных форм, где принципиально исключается всякая жизнь с ее потоком бытийного изменения и создаются специальные условия для того, чтобы нейтрализовать материальную изменчивость экспонируемых реалий, дабы она не смогла повредить неизменному эйдосу последних. Даже извечный оппонент культуры – природа с ее непрестанной изменчивостью, лишается последней и превращается в заповедник искусственно охраняемых видов; сама жизнь занесена в Красную книгу и тем самым избавлена от связанной с каждым изменением смерти – и именно потому отождествляется с последней. Поздняя культура обладает целым арсеналом средств фиксации реальности – от литературного языка, преподаваемого в школе, до видеокамеры, продаваемой в магазине; здесь настолько часто и глобально «останавливают мгновение», что каждый мгновение безостановочного движения воспринимается как знак инновационного динамичного развития. Но последнее здесь вовсе не факт, а цель, бесконечно и всевозможными способами артикулируемая; о необходимости «развития» не говорит только ленивый, и чем больше и настойчивей об этом говорится, тем очевидней невозможность реализации этого идеала. Но человеку свойственно выдавать желаемое за действительное, и поэтому

вместо исследования их взаимной оппозиции постулируется их тождество – так появляются концепты «динамичной» или «инновационной» культуры.

Средством от такого рода ошибок для столь «юной» науки, какой является сегодня культурология, может стать только фундированный онтологический, гносеологический и методологический анализ своего исследовательского инструментария, последовательный самоанализ самих условий и границ культурологического дискурса; изучение истории культуры возможно только в рамках самостоятельного построения теории культуры, так что культуролог должен быть одновременно и историком, и философом, - но не превращаясь при этом ни в философа, ни в историка, а оставаясь самим собой.